

«Литературный келейник» (Н. Лесков в литературной критике П. Пильского)

“Literary Anchorite” (N. Leskov in Literary
Review of P. Pilskiy)

Галина Алексеевна Косых

Абстракт:

Работа посвящена статьям о Н. С. Лескове журналиста, критика, писателя П. М. Пильского (1879–1941), известного в литературных, читательских кругах в доэмигрантский период и в годы «беженства» (1921–1941), пока не получившего должного внимания в современных исследованиях. Оригинальность, самобытность его «фельетонной критики», художественность, импрессионистичность литературно-критических работ, литературных портретов не только русских, но и зарубежных писателей, тех, кого причисляли к классикам мировой литературы, признавались его именитыми современниками (И. Бунин, А. Куприн, М. Алданов и др.).

Статьи Пильского о Лескове отличны от других литературно-критических оценок личности и художественного мира создателя «Соборян». Критик представил свою попытку осмысления творческой судьбы писателя, а если перефразировать его слова, – «попытку пройти тот же самый путь, которым шел и художник».

Abstract:

The study is aimed at the articles of the journalist, literary critic and writer P. M. Pilskiy (1879–1941) on N. S. Leskov. Pilskiy was known among men of letters and readers in the time before and during his emigration (1921–1941), however, he did not obtain appropriate attention in contemporary

researches. His contemporaries (I. Bunin, A. Kuprin, M. Aldanov etc.) recognized his originality, specificity of Pilskiĭ "feuilleton criticism", creative and impressionistic approach to writing his literary criticism, literary portraits of not only Russian but also foreign writers who were listed in the classics of world literature.

Articles of Pilskiĭ on Leskov differ from other big names' literary criticism and the artistic world-view of the author of the novel "The Cathedral Folk". The critic tried to explain the creative life of the writer and, should we quote, "an attempt to tread the same way which was trodden by the artist as well".

Ключевые слова:

Н. С. Лесков, П. М. Пильский, фельетонная критика, литературная критика, литературно-критическая статья, юбилейная статья

Key Words:

N. S. Leskov, P. M. Pilskiĭ, feuilleton criticism, literary criticism, literary critical article, article dedicated to author's jubilee

В литературных кругах П. М. Пильский-критик стал известен в до-революционное время, в девяностые-девятисотые годы, начав свой путь в литературе как беллетрист, журналист, фельетонист, автор многочисленных газетных выступлений. Первые статьи Пильского появляются в газетах в годы его учебы. Об интересе к литературе и творчеству в этот период он вспоминает в очерке «Одинокий», посвященном В. Брюсову (напечатан впервые в 1927 г. на страницах рижской газеты «Сегодня», затем – в 1929 г. – включен в книгу «Затуманившийся мир»): «В быстрой смене лиц с обжигающей ясностью воскресли давние встречи, перевернулись легкие страницы первых литературных забав и мечтаний... Книга – «Дневники» Валерия Брюсова... общее участие в литературных кружках связывают нас многими нитями: недаром мое имя появляется в самых начальных записях этого дневника» (Pil'skiĭ 1929, 47).

Воспоминания о том, что увлекало в литературе, о чем мечталось участникам кружка на Цветном бульваре содержатся и в очерке

«Валерий Брюсов», написанном еще в 1920 г.: «О, как много горели!.. чего только не собирались сделать!.. Все мы будто готовились в литературные прокуроры. Еще бы! На скамье приговоренных нами сидела вся последняя литература той современности, вся журналистика, все ежемесячники того тихого, того страшного времени!.. И критика!.. Да! Да! Нам, новаторам, нам, юным паладинам, казалось – и небезосновательно! – что первым сраженным врагом должна пасть критическая бастилия... Мы требуем доказательств! Пусть будет критика как одна длинная цепь теорем! Пусть текст ее идет с доказательством. Мы требуем математической точности! Мы требуем геометрической доказательности!.. Так формулировали мы нашу задачу». (Pil'skij 2012)

В «Дневнике» В. Брюсова (1891 г.) есть несколько упоминаний о П. Пильском, участии его в литературном кружке, разговорах, спорах, литературных вечерах: «Был только что Пильский (и Станюкович). Немного поспорили и потолковали. Что ни говорите, а он человек умный» (Brjusov 1927, 9).

В 1901 г. появляется короткая запись о встрече с Пильским-газетчиком: «П. М. Пильский, знакомец моей юности, скинув мундир, предался газетной деятельности» (Brjusov 1927, 106).

П. Пильский, «скинув мундир» – выйдя в отставку, принимает приглашение Леонида Андреева, ведавшего беллетристическим отделом в известной московской газете «Курьер», – «газета была влиятельной, давала в некотором роде «имя» (И. Шмелев) – печатает статьи, здесь же публикуются его первые рассказы. В 1902 г. «Биржевые ведомости» (Петербург), – вспоминает он в «Затуманившемся мире», – «охотно открыли мне свои столбцы, и я стал писать злободневные фельетоны. Я делал это, скрепя сердце. Хотелось другого. Я влекся к критике и беллетристике... но газета вообще не помещала рассказов...», поэтому П. Пильский отзывается на предложение И. Ясинского перейти в журнал «Ежемесячные Сочинения», продолжая одновременно печататься и в других периодических изданиях (Pil'skij 1929, 221). В 1907 и 1910 гг. (2-е издание), выходят из печати сборники рассказов, благосклонно принятые известным публицистом,

журналистом Н. Михайловским и А. Богдановичем («негласный редактор «Мира Божьего»... «строгий до свирепости, придиричивый, недоверчивый и дерзкий на язык»): «...из этого прет большой талантище: помяните мое слово: он далеко пойдет...» (Kuprin n.d.).

А. И. Куприн, сохранявший дружеские отношения с автором рассказов еще со времени обучения в Александровском военном училище и в последующие годы в эмиграции, в рецензии «Петр Пильский. Рассказы. 1907» представляет автора как «умного, всесторонне одаренного, бойкого, легкого, чрезвычайно много читавшего», отмечает талантливость его прозы, талантливость его как художественного критика (Kuprin 2021).

Но сам автор, обобщив и критически оценив написанное, оставляет свои беллетристические опыты: «...Рассказы, составившие эту книгу, были напечатаны в «Мире Божиим», «Журнале для всех», московской газете «Курьер», газете «Народный Вестник» («Мысль»), «Бирж. Ведомостях» и написаны в период двух слишком лет: 1902–1904. Это была эпоха моих острых исканий смысла жизни... За эти годы изменилось моё отношение к миру и людям, ушла молодая нежность, пришли суровые приговоры, я стал бодрей и смелей. Наблюдая самого себя, я, почти всегда писавший исключительно о литературе, ставший автором рассказов на короткое время, думаю теперь, что в известный период юношеской ломки каждый писатель – немного беллетрист. И то обстоятельство, что уже три года, как я не тянусь к рассказу, мне доказало, что художник во мне умер...» (Pił'skij 1907, 1).

Он продолжает публиковаться в разных изданиях с отличными эстетическими установками, большую часть своего творчества посвящая критическим выступлениям в печати и на литературных собраниях, «талантливый молодой критик» (А. Блок) приобретает репутацию влиятельного, острого, бескомпромиссного ценителя: «поэты-современники – Бальмонт, Брюсов, Гиппиус, Гумилев, Блок, Анненский нашли в нем рыцаря и апологета» (Kuprin n.d.).

Н. Гумилев в письме В. Брюсову сообщает 20 августа 1908 г.: «Успех продолжает меня преследовать: мною заинтересовался Петр Пильский, пригласил в «Новую Русь» (Gumilev 2007, 120).

По словам А. Куприна, «вулканический темперамент» Пильского, «врожденная нетерпеливость, перегруженность занятиями и материалом, неудержимое стремление к печатной борьбе, наконец буйный, боевой темперамент – все эти качества, сами собою, привлекли его на газетную работу, в которой он скоро стал острым критиком, неистовым фельетонистом и задорным спорщиком...» (Kurpin n.d.).

В исследованиях по истории литературы 90-е г. XIX в. и 10-е годы XX столетия характеризуются как период «окончательного формирования и расцвета особого типа литературной критики – так называемой «фельетонной критики», получившей широкое распространение в массовых периодических изданиях этого периода: прежде всего в газетах, а также еженедельниках. В ряду других парадигм (символистская, марксистская, имманентная, народническая и пр.) эта критика занимает важное место в системе литературного поля эпохи *fin de siècle*...» (Aleksandrov 2020, 43).

Влияние и суждения газетных критиков признаются литературным сообществом и читателями: «Критики-фельетонисты больших массовых изданий в начале XX века не маргиналы информационного пространства. К. И. Чуковский, А. А. Измайлов, Н. Я. Абрамович, П. М. Пильский, В. Ф. Боцяновский и др. – это заметные и влиятельные агенты литературного поля, формирующие мнение широких читательских слоев своими откликами и суждениями о книжных новинках». «Газетные критики вхожи в ведущие крупные салоны, они завсегдатаи воскресных вечеров и журфиксов, адресаты переписок с авторами разных школ и направлений, желанные гости на первых прочтениях в интимном кругу новых произведений ведущих литераторов-современников» (Aleksandrov 2020, 57).

В 1910 году Пильский издает сборник «Критические статьи», предпослав содержанию Предисловие с весьма лаконичной, но емкой характеристикой современного состояния литературы: «Из литературы уходит непосредственность, почти все, что пишется сейчас, создано холодной мыслью, даже такой, казалось бы близкий земле писатель, как Куприн, только описывает, взвешивая, но не любя. На это превалирующее значение отвлеченной мысли в новой литературе

я указываю в целом ряде моих очерков... здесь ограничился лишь указанием на самый факт». Автор адресуется прежде всего к «читателю-спорщику», «читателю-оппоненту», «читателю-другу», «надежному, вдумчивому и страстному» (Pil'skij 1910, 143–57).

Показательно, что о «холодной», «отвлеченной мысли» в современной беллетристике, ее причинах, о надежде на думающего читателя, об объективности беллетриста, критика он писал в ранней (1905 г.) обстоятельной статье «Во мраке касты» (О повести Куприна «Поединок»), опубликованной в журнале «Русская мысль». Тезис – «злым, упрямым и сильным, и хищным даже, может быть критик, – хотя и у него без любви к литературе и авторам крылья связаны» (Pil'skij 1905, 64–79) – раскрывается во второй части сборника – «О критике» (мечты и парадоксы), отражающей взгляды автора на положение, роль, назначение, содержание современной критики. «Психологической критики у нас нет совсем, – утверждает автор, – и прошлого у нее нет, и привычка к ней не создалась, и публика далека от нее и равнодушна. Для философской едва ли сыщется материал» (Pil'skij 2002, 276). Публицистическая критика, по определению Пильского, лишена объективности, ограничивалась «случайными приговорами»: «для нее важно было вовсе не то, что написана прекрасная вещь, а вопрос: когда же придет наконец настоящий день?» (Pil'skij 2002, 269). Не отличавшаяся объективностью публицистическая критика не предполагала самостоятельной позиции писателя, «накладывала печать молчания на непокорные уста, замалчивала и высмеивала всякую новую попытку», «на самом деле были в лучшем случае ругань и злоба, в худшем – пересказ, в среднем – молчание» (Pil'skij 2002, 276).

Отмечая столь безотрадное состояние современной критики, «накладывавшей печать молчания на непокорные уста», Пильский провозглашает, что «для критики наступает новая пора»: «...критика должна быть творческая... синтетическая, романтическая», «полная фанатизма и дерзости, окрыленная силой выдумки, сотворяющая новую художественную жизнь» (Pil'skij 2002, 270–1).

«Новая» творческая критика предполагает иной «кодекс» критика («Нужно... много доброты. Нужна радость проникновения, чуткость угадания»), требует от критика осознания иных целей критических работ («Ничего нет труднее, как раскрыть дух создателя, войти внутрь произведения...»; «смелость и отвагу, бодрость и оригинальность, и страсть, и риск должна поддерживать критика... творить автора, ковать новые замыслы»). Творческая критика должна представить читателю «психологический комментарий писательской души», т. е. пройти «тот же самый путь, которым идет и художник». (Pil'skij 2002, 273–4).

Мысли о критике – не декларативные заявления Пильского. «Кодексу критика» он следовал в своем творчестве, в литературно-критических и публицистических выступлениях и в последующие годы, и оказавшись после многочисленных перипетий, скитаний в эмиграции.

По определению Е. В. Ивановой, «критика, подобная критике Пильского, не только не имела за плечами литературной традиции, она ее и не создавала. Но она играла важную роль в литературном процессе, представляя писателя широкой публике» (Ivanova 2002, 25–6).

Не случайно современники Пильского в посвященных ему статьях характеризуют его как «Критика-художника» (Н. Саввич); «Рыцаря художественной критики» (А. Амфитеатров); «Художественного критика, чуткого, тонко-умело проникающего в дух и лик писателя», он «пишет, сливаясь с душою художника, стараясь понять ее» (И. Шмелев); «Талантливый эссеист, углубленный в мысли, утонченный в проникновении» (В. Кадашев). По словам Т. Исмагуловой, «М. Алданов, А. Куприн и др. Пильского часто причисляли к деятелям «фельетонной» критики начала века, но он скорее принадлежал к направлению «импрессионистической» критики, куда сам относил прежде всего писателей той эпохи (А. Белого, Вяч. Иванова, З. Н. Гиппиус и др.)» (Ismagulova 2005, 66).

Г. Струве в своем обобщающем труде «Русская литература в изгнании» причисляет его к профессиональным критикам первой эмиграции: «Из критиков-профессионалов, пользовавшихся известностью

до революции, за рубежом оказались Ю. И. Айхенвальд, автор «Силуэтов русских писателей», и П. М. Пильский» (Struve 1996, 129).

«Пережив весь закатный акт русского исхода» (Abyzov 2023), Пильский на некоторое время останавливается в Эстонии, печатаясь в газете «Последние известия» и одновременно – в газете «Сегодня», затем (проживая в Риге) становится постоянным сотрудником этого издания в течение двадцати лет, руководит Литературным отделом, поместив на страницах газеты около двух тысяч разных материалов – рецензий, отзывов и т. п., печатаясь иногда под разными именами, псевдонимами. Помимо обзоров, рецензий на текущие издания критик выступает со статьями, посвященными известным зарубежным именам (Шекспир, Свифт, Мольер, Гюстав Флобер, Бернард Шоу, Ибсен, Стефан Цвейг, Ремарк, Сельма Лагерлеф и др.), а также – признанным классикам русской литературы, особо отмечая юбилейные даты (Ломоносов, Грибоедов, Лермонтов, Пушкин, В. Белинский – «Безумие праведника», Достоевский, Л. Толстой, Г. Успенский, Я. Полонский, Островский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, И. Козлов, Чехов), немалое внимание уделяется писателям-эмигрантам (Куприн, Аверченко, Ф. Степун, Тэффи, Бальмонт, Гиппиус, Мережковский, Шмелев и др.), современным авторам с «другого берега» (Б. Пильняк, Бабель, Горький, Б. Лавренев, К. Федин, Булгаков и др.). (Abyzov 2001)

Одновременно П. Пильский сотрудничает с другими эмигрантскими изданиями, в частности с журналом «Современные записки» – с «одним из ценнейших памятников русской культуры за границей», по словам П. Милюкова, издателя известной газеты «Последние новости» (Miljukov 1932, 2).

Памятное для русской литературы событие – столетие со дня рождения Н. С. Лескова – «Современные записки» отметили, опубликовав на своих страницах статью П. М. Пильского. Юбилейной дате литературный критик посвятил две работы: статья «Н. С. Лесков. К столетию со дня рождения» напечатана в эмигрантской рижской ежедневной газете «Сегодня» (Pil'skij 1931a), вторая – «Истерзанный (К 100-летию рождения Лескова)» – появилась днем позже на страницах журнала «Современные записки» под рубрикой

«Культура и жизнь» (Pil'skij 1931b, 463–74). Пильский, активно участвовавший в литературной жизни в России, о чем шла речь выше, был хорошо осведомлен о творческой судьбе Лескова, знал его произведения, неоднократно упоминал его имя в своих публикациях. В газете «Сегодня» в 1929 г. в № 83 напечатан материал Новое о Лескове под заголовком «Забытый»; в статье «Об Антоне Крайнем (З. Гиппиус) и о нашем времени» он пишет о непрозорливости критики, ее поверхностных суждениях, определявших писательские судьбы: «Ну, а разве раньше не оставался долгое время в критическом остракизме Тургенев? Разве тот же умница Михайловский не махнул в «Отечественных Записках» конца семидесятых годов на него рукой? Или Скабичевский разгадал Чехова, не посулил ему черта и смерть под забором в пьяном виде, а когда задумался над вопросом: «Есть ли идеалы у г. Чехова»? – то как задал этот вопрос, так и остался с этим вопросом? Наконец, были ли сразу признаны или определены Горький и Гаршин, Мережковский и Лесков, Фофанов и Брюсов? Не оставляли ли в долгом забвении и неприметности Феодора Сологуба, и разве до самого недавнего времени не смеялись над Бальмонтом?» (Pil'skij 2019).

Юбилейная газетная статья адресована прежде всего читателям, пребывающим за пределами России в течение десятилетий и не знающим исторический и культурный контекст того периода, когда Лесков вошел в литературу, переживал «тяжкие невзгоды» за свои полемические романы, чувствовал себя «литературным изгоем», был интересен читателям, но не критике, «позволившей» ему печататься в престижных журналах почти в последние годы жизни, но не изменившей снисходительного, а нередко – ироничного – отношения к писателю и его творчеству: «В среде наших зарубежных старшие своими глазами видели Базарова, Бельтова, Аркадия Кирсанова, Марка Волохова. Нам нетрудно, понимать ту уже отдаленную, любопытную эпоху, о которой одинаково правдивы и «Отцы и Дети» и «Поток – Богатырь». Не то для нашей молодежи. Разбираться в духовном содержании и общественном значении трех-четырех минувших поколений – великая, почти непреоборимая трудность для внуков и правнуков.

Только исключительно удачные исторические и литературные труды бывают успешным пособием к этому» (Sergeič 1926, 485).

Композиция и содержание статьи определяется замыслом критика – представить Лескова как «одного из величайших русских писателей», Лескова, интересного не только «в своих книгах»: он «интересен и во многом загадочен как человек, сотканный из бесчисленных противоречий своего жизненного поведения...» – «мятущееся сердце, беспокойная, страстная натура, огромный талант, вынужденный преодолевать множество злых препятствий, грешник, жаждавший святости и чистоты». Это определило магистральную тему лесковских произведений: «Чрез грех человек стремится к очищению, чрез скверны – к святости, чрез бури и кипение страстей – к тишине и умиротворению». (Sobolev 2018, 590)

Подобный путь, по словам автора статьи, прошел и сам писатель. «Смертельный приговор» Писарева, «несправедливый, суровый и злостный», был вызван тем, что автор «в своих памфлетах, карикатурности изображенных лиц проявил слишком большую страсть. Он вообще был горяч и неистов. В нем горело неумное самолюбие, заносчивое и большое». Но, отмечая «неумность» Лескова, критик особо подчеркивает как достоинство «независимость», «свободу личного мнения» писателя, враждебное отношение «к трафарету и умственной моде», имея в виду отвергнутый критикой роман «Некуда», хронику «Соборяне», в которых и проявляется отношение автора «к общим теориям» и «отвлеченным схемам», в чем ему виделась причина неуспеха не только героев романа «Некуда». Соприкосновение с «живой жизнью» с ранней юности определили «умственный склад Лескова» – «Практического философа», выросшего «в себе типично русского здравомысла», мечтавшего «о праведности и праведниках». (Sobolev 2018, 590–1)

Говоря о произведениях Лескова, критик подчеркивает их философский смысл, неизменно «окрашивающийся религиозными тонами». Хроника «Соборяне» определяется как «гениальная книга», в которой «не только хроника старогородской соборной поповки», в ней слышится «...втайне грустная исповедь беспокойного мечтателя,

взыскующего успокоительный град, где благословенно царит в тишине мир душ, благоволение и счастливая, ласковая безмятежность»... «Все страницы этой книги дышат нежностью. Здесь трогательные люди, прелесть непосредственности, беззлобие сердец, – все то, чего так не хватало самому Лескову»... «Только огромный художник в силах создать эти фигуры... не погрешив нигде ни сентиментальностью, ни умягчением черт, ни слащавостью тона... незабываемые фигуры Ахилы, Туберозова, своеобразного праведника Пизонского». (Sobolev 2018, 591)

Критик отмечает необычность стилистики «Соборян», поэтичность в «изображении умильного блаженства»... Ни у кого больше в русской литературе нет ни таких слов, ни таких красок... Это звучит в нежности протопопа... когда он говорит о своей протопопице... это пленяет в замечательных эпитетах: «запечатленный», «очарованный», во всем «изяществе богозданной природы», в «дивных дивесах от ангела», во вдохновенном «богочтительстве», «в плавности предивного художества». (Sobolev 2018, 591)

«Запечатленный ангел» в осмыслении Пильского – «повесть о горячей вере, сердечном смятении, человеческих заблуждениях, небесных предостережениях и светло-радостном конце», повесть, занимающая «одно из лучших и прекрасных мест в русской литературной сокровищнице». (Sobolev 2018, 592)

«Один из поразительных рассказов даже среди лучших произведений Лескова» – так оценивает критик «Очарованного странника». Не только фольклоризм, близость к народным сказаниям, легендам отличают рассказ, но прежде всего путь «неистового» Ивана Северьяновича, «путь к постиганию добра» – «труд преодоления», «внутреннее борение», «духовное облегчение», «духовное освобождение человека». (Sobolev 2018, 592)

Описанные в «Очарованном страннике» «покаянные муки» Ивана Северьяновича Флягина – не вымысел – их «испытывал и сам Лесков в течение своей жизни», что отразилось и «в его писаниях»: он «таил в себе много черт и склонностей русского «чертогонства»: в нем уживались «проповедник практических дел во имя самоотверженной

любви» и пристрастность, несправедливость, это была «бунтующая, непокорная, расколота противоречиями душа». (Sobolev 2018, 593)

Повествование о «расколоте противоречиями душе» Лескова продолжается в статье «Истерзанный», в которой Пильский (отчасти повторяя отдельные положения газетной статьи) представляет свое исследование истоков «многоликости», «многодушия», «асимметричности» личности создателя «Очарованного странника» (напомним о требовании автора статьи к «новой критике» – творческая критика должна представить читателю «психологический комментарий писательской души», т. е. пройти «тот же самый путь, которым идет и художник»). Говоря об «экстатичности» Лескова, о пути «духовной потрясенности» его героев от «чертогонства» к «праведничеству», критик обращается к «Юдоли» – в «рапсодии» описана встреча в «голодный год» девятилетнего мальчика с княгиней, «тетей Полли», небезупречной, «проказницей в молодости», «грешившей, жившей суетно и весело», но сумевшей «обдумать себя» – «чтобы равнять путь лучшему... Лучше поскорее встать да отряхнуться и идти доброй дорогой» (Leskov 1958b, 291).

«Так в душе Лескова возник и потом стал центральным образующегося грешника, потрясенной души, ищущей и обретающей прощение». Вера Лескова, в то, что «через преступление и блуд люди приходят к просветлению и высшей тихой радости», отразившаяся в его творчестве, – отмечает критик, – оставалась не замеченной никем. Вследствие этого как «странность» воспринималось повествование об Иване Северьяновиче, достигшем «мира души» «внутренним борением», «трудом и преодолением», «после безмерных буйствований и великих преступлений». «Внутреннее борение» испытывает Илья Федосеевич («Чертогон»), и «Дама, злостная... мучающая всех» («Дама и фефёла»), но и для них, по убеждению писателя, «приходит и придет светлое озарение: нужно только переболеть совестью» (Pil'skij 1931a, 465).

Размышляя о «корнях, вскормивших» Лескова, автор статьи упоминает о службе у англичанина Шкота, дальнего родственника: «Отсюда

лесковский практицизм, знание жизни, чувство почвы, вера в силу труда и победу отдельного человека» (Pil'skij 1931a, 464).

Разностороннее знание жизни народа, его качеств, проблем, нужд не допускали Лескова к скоропоспешным утверждениям, красноречивым высказываниям, не имеющим под собой никакого основания. По его мнению, сложные явления жизни не могут быть исчерпаны суждениями даже самых талантливых публицистов и находить свое решение в области отвлеченного философствования. К анализу и оценке тех или иных идей Лесков подходил также прежде всего как практик: «Общеполитических идей для Лескова нет. Есть практика, факт, дело, добро, подсказанные совестью и сердцем» (Pil'skij 1931a, 467).

«Практицизм», Лескова, «вера в силу труда», а не в силу отвлеченных идей, вера в «победу отдельного человека» отразились в статье «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?». Статья, забытая, точнее – не замеченная критиками, появилась в газете «Северная пчела» в мае 1863 года непосредственно после окончания публикации в «Современнике» романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Автор письма к издателю «Северной пчелы» решил воспользоваться ситуацией, когда «русская критика занята: она думает, что ей делать с этим «Что делать?», и предложил общественности свое «личное мнение». Эта статья относится к самым первым положительным откликам на произведение Н. Г. Чернышевского. Вследствие всевозможных выслушанных писателем толков в ожидании рецензий из так называемых «толстых журналов» от «присяжных критиков» автор спешит «поскорее сказать свое мнение о романе г. Чернышевского... написать «собственное мнение», ни от кого не занятое, и никем не навязанное насильно, по системе новейшего либерализма» (Leskov 1958a, 13–4).

В статье, по словам Пильского, «как бы неожиданной по настрою и выводам», Лесков, «идейно... одинаково чуждый Чернышевскому и Каткову», «сочувственно говорит об этой книге», одобряет героев романа за их разумный практицизм, за то, что они «делают такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве...

нужно для этого только добрых людей». (Pil'skij 1931a, 468) И в этом проявляется Лесков, «типичный здравомысл», не признающий абстрактные теории, схемы, лозунги: «Лесков не ведал середины. При всем своем уме и большой... начитанности... воспринимал жизнь чувством, своей впечатлительностью, подходил к ней не с общих точек зрения, всегда субъективно и практически. В России он хотел видеть «законность и порядок». (Pil'skij 1931a, 469)

Заслуга Лескова состоит в том, что он, осознавая бесперспективность «утилитаризма», противопоставил ему нравственный императив социального общежития. «Русская мысль», – подчеркивает критик, – «верно отметила, что он всегда настаивал на перевоспитании воли человека, чем на изменении его социальной обстановки, т. е. «внешних условий жизни». (Pil'skij 1931a, 467).

Не проходит критик мимо перемен в настроениях и взглядах Лескова в последние годы его жизни, «когда он получил свободный вход в прогрессивные журналы», обосновывая это «подвижностью в ... сочувствиях и неприязнях», «вкоренившимся убеждением в необходимости и ценности практических живых дел». (Pil'skij 1931a, 469) Но сам писатель объяснял это своими последними произведениями – рассказ «Пустоплясы» («Северный вестник», 1893, № 1), рассказ «Загон» («Книжки «Недели», 1893, № 11), рассказ «Зимний день (Пейзаж и жанр)» («Русская мысль», 1894, № 9) и др.

Так же, как и в газетной статье, Пильский подчеркивает своеобычность Лескова-человека, Лескова-писателя: «Лесков влечет к себе внимание, возбуждает большой интерес и своим писательством, и своей личностью, – сложный характер, крепкая упористая натура. Все в нем было громоздко и спутанно... В духовном и умственном смысле Лесков был ассиметричен, весь в острых иглах, беспокойная душа, неповоротливый торопыга, ворчливый характер, недоверчивый сатирический ум. Эти черты создали о нем чересполосицу мнений, и одни считали его злецом, другие влюбленно говорили о подкупающем детском начале». (Pil'skij 1931a, 468)

Пильский напоминает о романе-пасквиле И. Ясинского «Лицемеры», в котором Лесков, представленный «рядом с Бибиковым

и самим Ясинским», «подозревался» в «двуличности и фальши». Отвергая подобные домыслы, критик утверждает, что не фальшь и лицемерие, а «многодушие» было «коренным несчастьем Лескова» (Pil'skij 1931a, 463–4): «...художник, больше всего доверяющий своей впечатлительности, но также упрямый и неуступчивый человек. Лесков сам это знал и чувствовал, понимал свое непостоянство, свое умственное скитальчество, свою впечатлительную изменчивость». В подтверждение этого заключения автор цитирует самого Лескова: «...я пережил так много: верил в Бога, отвергал Его и паки находил Его; любил мою родину и распинался с нею и был с распинающими ее». (Pil'skij 1931a, 468)

Сожалея о том, что писатель не оставил после себя ни записок, ни дневников, ни документов, ни «биографии, написанной лицом, знавшим Лескова, допущенным в его скрытую занавешенную жизнь», жизнь «литературного келейника», автор статьи обращается к воспоминаниям современников (не удержавшихся от соблазна опубликовать их), описывающих противоречивость Лескова «в своем нравственном облике», «о борьбе «плотяного» с духовным» (С. Атава, А. Волынский, А. Измайлов и др.). (Pil'skij 1931a, 473) Сложно не согласиться со словами А. Амфитеатрова, автора статьи «Николай Семенович Лесков», написанной в 1904 г.: «О тех же литераторах, которые знали Лескова и рассказывали о нем и в печати, и в обществе, я всегда получал впечатление, что, собственно говоря, они Лескова не знали, а только были знакомы с ним: так много в хранилищах этого литературного предания, которое свежо, а верится в него с трудом, – мистификаций, гримас, игры не то глумливой, не то юродивой... По-видимому, душа Лескова отмыкалась для внешнего мира трудно, и свидетелей, несомненно, мучительного жития ее было и сохранилось немного» (Amfiteatrov 2003, 163).

«Сложным, нелегко разгадываемым и спорным» Лесков был не только для читателей и для оставивших свои воспоминания о нем, но прежде всего – «для своих критиков». Говоря о писательской судьбе Лескова, стоявшего вне лагерей, групп и кружков, Пильский подчеркивает его одиночество: он «был очень одинок. Идеино, литературно,

житейски», не находя понимания у критики даже в последние годы – «до конца критика относилась к нему неряшливо или озлобленно». (Pil'skij 1931a, 470) Никто из критиков, писавших о нем (М. Протопопов – «Больной талант», М. Меньшиков – «Художественная проповедь», Скабичевский, посвятивший Лескову несколько статей, и др.), кроме А. Введенского (за статью которого писатель благодарил редактора), не попытался без предвзятости, объективно осмыслить творчество Лескова. Критик Богданович «называл Лескова «клеветником», «доносчиком», «пошлым анекдотистом». «лицемером»... Скабичевский ругал Лескова в своей «Истории новейшей литературы», оценивал его пренебрежительно». «Несочувственные, иногда ругательные отзывы появлялись и в консервативной, и в прогрессивной печати...». (Pil'skij 1931a, 470)

Несомненно, доминирующей в критике являлась тенденция к отрицанию или в лучшем случае к умалению, занижению ценности лесковских произведений и места самого Лескова в литературе XIX века: «...непризнаваемый, умышленно непонимаемый со своим бешеным самолюбием Лесков в литературе стоял неприюченным чужаком...». (Pil'skij 1931a, 472) И это было логическим следствием писаревского «запрета» 60-х годов.

Статьи П. М. Пильского о Н. С. Лескове, об «одном из трагических лиц русской литературы», – особая страница в истории литературной критики. Можно утверждать, что автору, «наделенному богатой художественной интуицией», «беллетристичному по самому своему существу», «разрушающему аналитические схемы» (В. Кадашев), следуя «кодексу» критика («Нужно... много доброты. Нужна радость проникновения, чуткость угадания»), удалось представить читателю «психологический комментарий писательской души», «представить тот путь, которым шел и художник».

Literatura:

- Abyzov, Jurij Ivanovič, ed. 2001. *Gazeta «Segodnja»*, 1919–1940: *Rospis'*. Riga: Latvijskaja nacional'naja biblioteka.
- Abyzov, Jurij Ivanovič. 2023. „Petr Pil'skij. Opyt stoličnoj i provincial'noj biografii. Baltijskij archiv. Kn.1. Tallin. 1993 (?). S.189–201.“ *Russkije Latvii*, cit. 20. 10. 2023. <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/y-abizov-pilsky/>
- Abyzov, Jurij Ivanovič, a Tamara Džakeševna Ismagulova. 1999. „Pil'skij.“ In *Russkije pisateli. 1800–1917. Biografičeskij slovar'*. T. 4, ed. Petr Aleksejevič Nikolajev, 600–4. Moskva: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija.
- Aleksandrov, Aleksandr. 2020. „Literaturnaja kritika massovykh periodičeskikh izdanij (Rol' i mesto v literaturnom processe 1880-ch–1900-ch gg).“ *Acta Slavica Iaponica* 40: 43–64.
- Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovič. 1931. „Rycar' chudožestvennoj kritiki (K 30-letiju literaturnoj dejatel'nosti Petra Pil'skogo).“ *Segodnja*, 19. 4. 1931, č. 108.
- Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovič. 2003. „Nikolaj Semenovič Leskov.“ In *Sobranije sočinenij v 10 t. Kniga 1. Memuary. Vlastiteli dum. Literaturnyje portrety i vpečatlenija*, ed. Timofej Fedorovič Prokopov, 150–63. Moskva: Intelvak.
- Brjusov, Valerij Jakovlevič. 1927. *Dnevniki: 1891–1910*. Moskva: Izdanije M. i S. Sabašnikovych.
- Gumilev, Nikolaj Stepanovič. 2007. *Polnoje sobranije sočinenij v 10 t. T. 8. Pis'ma*. Moskva: Voskresen'je.
- Ivanova, Jevgenija Vladislavovna, ed. 2002. *Kritika načala XX veka*. Moskva: Olimp, AST.
- Ismagulova, Tamara Džakeševna. 2005. „Pil'skij Petr Mosejevič.“ In *Russkaja literatura XX veka: prozaiki, poëty, dramaturgi. Bibliografičeskij slovar'*, t. 3, ed. Nikolaj Nikolajevič Skatov, 65–7. Moskva: OLMA-Press Invest.
- Kadašev, Vladimir Aleksandrovič. 1931. „Petr Pil'skij: K tridcatiletiju literaturnoj dejatel'nosti.“ *Čisla*, č. 5: 267–9.

- Kuprin, Aleksandr Ivanovič. 1931. „Petr Pil'skij: Tridcat' let literaturnoj dejatel'nosti.“ *Segodnja*, 19. 4. 1931, č. 108.
- Kuprin, Aleksandr Ivanovič. 2021. „Petr Pil'skij. Rasskazy. 1907 g.“ *Lib.ru: „Klassika“*, 19. 2. 2021. http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_1907_pilsky.shtml
- Kuprin, Aleksandr Ivanovič. n.d. „Golos ottuda: 1919–1934. Petr Pil'skij. Tridcat' let literaturnoj dejatel'nosti.“ *Biblioteka russkoj i sovetskoj klassiki*, cit. 19. 11. 2023. <https://traumlibrary.ru/book/kuprin-golos-ottuda/kuprin-golos-ottuda.html#s004017003>
- Leskov, Nikolaj Semenovič. 1958a. „Nikolaj Gavrilovič Černyševskij v jeho romane «Čto delat'?» (Pis'mo k izdatelju «Severnoj pčely»).“ In *Sobranije sočinenij v odinnadcati tomach, t. 10*, 13–22. Moskva: Chudožestvennaja literatura. https://rvb.ru/leskov/01text/vol_10/01mem_etc/083.htm
- Leskov, Nikolaj Semenovič. 1958b. „Judol'. Rapsodija.“ In *Sobranije sočinenij v odinnadcati tomach, t. 9*, Nikolaj Semenovič Leskov, 218–312. Moskva: Chudožestvennaja literatura. https://rvb.ru/leskov/01text/vol_09/073.htm
- Miljukov, Pavel Nikolajevič. 1932. „50-j tom «Sovremennyh zapisok».“ *Poslednije novosti*, 6. 10. 1932, č. 4215: 2.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1905. „«Vo mrake kasty» («Pojedinek» A. Kuprina).“ *Russkaja mysl'*, listopad: 64–79.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1907. *Rasskazy*. Sankt-Peterburg.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1910. *Kritičeskije stat'i. T. 1*. Sankt-Peterburg.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1929. *Zatumanivšijsja mir*. Riga: Gramatu draugs.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1931a. „Isterzannyj (K 100-letiju roždenija Leskova).“ *Sovremennye zapiski* 46: 463–74.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 1931b. „N. S. Leskov. K stoletiju so dnja roždenija.“ *Segodnja*, 18. 2. 1931.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 2002. „O kritike (Mečty i paradoksy).“ In *Kritika načala XX veka*, ed. Jevgenija Vladislavovna Ivanova, 267–83. Moskva: Olimp, AST.
- Pil'skij, Petr Mosejevič. 2012. „Valerij Brjusov.“ *Lib.ru: „Klassika“*, 10. 2. 2012. http://az.lib.ru/p/pilxskij_p_m/text_1920_brusov.shtml

- Pil'skij, Petr Mosejevič. 2019. „Ob Antone Krajnem (Z. Gippius) i o našem vremeni.“ *Lib.ru: «Klassika»*, 17. 4. 2019. http://az.lib.ru/p/pilxskij_p_m/text_1910_gippius.shtml
- Sergeič, P. 1926. „Petr Kovalevskij: N. S. Leskov, nepriznannyj bytopisatel' ruskaj žizni. Pariž, 1925. Dissertacija na stepen' doktora literatury pri Sorbonskom Universitete.“ *Sovremennyye zapiski*, č. 29: 482–5.
- Sobolev, Lev Iosifovič, ed. 2018. „P. M. Pil'skij. N. S. Leskov.“ In *N. S. Leskov v vospominanijach sovremennikov*, eds. Lev Iosifovič Sobolev, L. S. Danilova, Vera Viktorovna Somina, 590–4. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije.
- Struve, Gleb. 1996. *Russkaja literatura v izgnanii*. Pariž, Moskva: YMCA Press, Russkij put'.
- Šmelev, Ivan Sergejevič. 1931. „P. M. Pil'skij: K 30-letiju literaturnoj dejatel'nosti.“ *Rossija i slavjanstvo*. 25. 4. 1931.

doc. Galina Kosych, CSc.
Katedra ruského jazyka a literatury
Pedagogická fakulta
Univerzita Hradec Králové
Rokitanského 62
500 03 Hradec Králové
Česká republika
galina.kosych@uhk.cz